

ЩЕРБАК А. М.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ МОРФЕМ В СЛОВОФОРМЕ КАК ПРЕДМЕТ СПЕЦИАЛЬНОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде чем говорить о возможных аспектах изучения последовательности морфем, сделаем несколько общих замечаний, касающихся порядкового членения словоформ, так как последовательность морфем устанавливается путем выделения порядков.

Выделение порядков не является универсальным приемом исследования и описания морфологии. Границы применения данного приема определены характером языкового материала. Там, где происходит наложение одного морфологического показателя на другой, или, иными словами, где господствует флексия и сильны фузионные процессы, выделение порядков лишено смысла, попросту говоря, оно неосуществимо. Порядковое членение целесообразно применять в тех случаях, когда принцип построения словоформ является линейным, когда каждая элементарная единица плана выражения более или менее строго соотносена с элементарной единицей плана содержания, т. е. когда исследуются агглютинативные языки.

Задачи порядкового членения морфем не совпадают полностью с задачами их упорядочения. Упорядочение имеет прямое отношение к прикладному языкознанию, и порядковое членение соотносится с ним как один из этапов формализованного описания, конечная цель которого — составление программ машинного перевода [см. 1—4]. Однако этим не исчерпываются задачи порядкового членения. Имеются и собственно лингвистические аспекты его использования. С точки зрения лингвиста в словоформах ничего упорядочивать не надо: морфологические элементы располагаются в них в определенном и устойчивом порядке.

Ошибочно считать, что порядковое членение подсказано, в первую очередь, прагматическими соображениями. Удобство описания морфем в той последовательности, в которой они выступают в словоформе, — мотив, не лишенный здравого смысла, но не имеющий принципиального значения. Основная причина выделения порядков — в постановке и решении ряда лингвистических проблем. Последовательность аффиксов — явление объективное, исторически обусловленное, отражающее своеобразие процесса развития словоформы в отдельных языках или группах родственных языков, и именно поэтому оно может быть объектом специального лингвистического исследования.

Несколько отвлекаясь от темы своего сообщения, мы хотели бы сделать также замечание особого рода. Никак нельзя согласиться с тем, что применение порядкового членения целиком связано с зарождением и развитием американского дескриптивизма. Представители американской дескриптивной лингвистики разработали методику порядкового членения, придали ему характер неукоснительно соблюдаемой процедуры [см., например, 5], возникновение же самой идеи выделения порядков не было достижением какой-либо одной лингвистической школы. В советском языкознании целесообразность разграничения порядков и установления последовательности морфем подчеркивалась начиная с 20-х годов в трудах Г. Алпарова, Н. Ф. Яковлева и Д. Ашхамафа, В. И. Цинциус и других языковедов. Чтобы глубже и полнее осветить позицию тюркологов в этом вопросе, достаточно сослаться на опубликованную в 1927 г. статью татарского языковеда Г. Алпарова. «Приставки (аффиксы. — Ш. А.), —

пишет он, — обязательно нанизываются в строго механическом порядке, так что перемещать их бывает невозможно. При этом обыкновенно, когда один из рядов занят одной какой-нибудь приставкой из определенной группы по значению, то другие из них не могут быть втиснуты никуда и они могут только занимать место своего товарища по очереди, когда нужно, а когда их вовсе не нужно, тогда их место остается вакантным» [6]. Здесь дано исчерпывающе ясное определение специфики линейной словоформы и, более того, разграничены понятия квазипорядка и порядка. Ср.: «тогда их место остается вакантным».

О собственно лингвистических задачах применения порядкового членения высказывались разные мнения. Н. Ф. Яковлев и Д. Ашхамаф указывали на необходимость учета последовательности аффиксальных морфем в целях различения внешне совпадающих морфологических элементов и, следовательно, для правильного понимания структуры слова [7]. В. И. Цинциус считает, что изучение порядка расположения морфем важно «не только для правильного понимания структуры слова и его значения, но, в особенности, для этимологических изысканий, для истории языка, истории возникновения и формирования различных грамматических категорий» [8, с. 149]. А. П. Володин пользуется порядковым членением как одним из приемов научного описания агглютинативных языков и подчеркивает необходимость и полезность его для выяснения вопроса о межъязыковых связях [9].

Очень важно подчеркнуть, что в собственно лингвистическом аспекте применения порядкового членения есть задачи реальные, разрешимые, и такие, сама постановка которых не является в достаточной мере оправданной. Например, использование порядкового членения и изучение порядка аффиксов в словоформе для решения вопросов исторического синтаксиса, опирающееся на гипотезу об изоморфизме структуры слова и предложения, едва ли даст какие-нибудь положительные результаты, так как упомянутая гипотеза не имеет надежной опоры в фактическом положении вещей. Об этом с предельной ясностью говорится в статье В. И. Цинциус, подчеркивающей, что в тунгусо-маньчжурских языках «в подавляющем большинстве случаев порядок расположения морфем прямо противоположен расположению членов предложения» [8, с. 150]. Почти то же самое можно сказать и о тюркских языках.

Необходимо также иметь в виду, что степень кодификации порядка следования аффиксальных морфем в разных языковых семьях и группах языков неодинакова и что поэтому любые выводы, связанные с изучением порядков, должны делаться на основе учета особенностей конкретного материала. Приведем по этому поводу высказывание К. Е. Майтинской. «В прибалтийско-финских, саамском, волжских языках, — отмечает она, — в сфере существительных активно употребляемые падежные форманты предшествуют лично-притяжательным, в угорских языках, наоборот, лично-притяжательные предшествуют падежным. В пермских языках выявляются оба порядка» [10]. В тюркских же языках, в отличие от финно-угорских, расположение упоминаемых К. Е. Майтинской морфологических показателей существительных строго фиксированное и не подвержено вариациям ни в масштабе семьи в целом, ни в пределах каких-либо регионов или отдельных языков: повсеместно падежные аффиксы замыкают словоформу, а лично-притяжательные предшествуют им.

Анализ материалов тюркских языков приводит к выводу, что установление последовательности аффиксальных морфем в словоформе¹, с одной стороны, способствует разграничению продуктивных и омертвевших форм, например: кирг. *kīmtīn tūnjūdō* «в зимнюю ночь» и *tūndōsū* «ночью». В *tūndōsū*, вопреки существующим правилам, аффикс принадлежности не предшествует падежному аффиксу, а следует за ним. Нарушение правил порядка наблюдается в разных тюркских языках, ср.: ст.-узб. *анда-лар* «там» [12]. Аффикс местного падежа *-да* находится не в конце слово-

¹ Здесь и ниже речь идет главным образом об аффиксах словоизменения. О порядке следования словообразовательных аффиксов см. [11].

формы, после всех других словоизменительных аффиксов, а перед аффиксом мн. числа. Аффикс принадлежности 3-го лица иногда выступает и до, и после падежного аффикса, ср.: кирг. *kīšindasī* (*kīš-in-da-sī*) «зимой», *ǰajındasī* (*ǰaj-in-da-sī*) «летом». В виде исключения после падежных аффиксов употребляется аффикс неполноты признака *-rak* ~ *-rək*: карач.-балк. *артдарак* «немного позади», *артларак* «немного назад» [13]; татар. *арткарак* «немного назад», *баштарак* «раньше», *ǰакінтїнрак* «поближе»; узб. *чїтдарк* «немного в стороне» [14]. Здесь мы имеем дело с наречными формами. Однако необычный порядок аффиксальных морфем наблюдается не только у наречий.

Знание правил последовательности аффиксальных морфем обеспечивает возможность объяснения природы некоторых утративших этимологическую прозрачность форм. Можно привести такие примеры: тур. *ǰedǰki*, узб. *ǰǰdagı* «находящийся в доме, домашний»; тур. *sızınki*, узб. *sızınki* «ваш». В приведенных примерах наше внимание привлекает элемент *-ki*. Почему он присоединяется к падежным аффиксам в нарушение общепринятых правил? Почему наличие *-ki* делает возможным повторное присоединение к словоформе всех словоизменительных аффиксов, ср.: тур. *ǰedǰkilǰrımǰđ*, узб. *ǰǰdagılarımǰda* «у моих домашних»? Наконец, является ли *-ki* на самом деле обычным морфологическим показателем? Прежде чем ответить на все эти вопросы, напомним, что в некоторых тюркских языках *-ki* не подчиняется закону гармонии гласных, ср.: кар. *anıńki*, карач.-балк. *anıki*, кум. *онукı*, тур. *онукı*, узб. *унıki* «его, принадлежащий ему, относящийся к нему»; кар. *бундаǰı*, тоф. *міндаki*, тур. *бурадаki*, узб. *бундаǰı*, якут. *маннǰı* «здесь, находящийся здесь». Таким образом, хотя рассматриваемый элемент и выступает в современных тюркских языках в качестве аффикса, он обнаруживает черты иной грамматической природы [15, с. 96—98]. Неподчинение закону гармонии гласных дает основание предположить, что первоначально *-ki* являлся относительной частицей, или частицей-союзом, выполнявшей разные синтаксические функции, а затем приобрел, кроме того, черты словообразовательного аффикса, стал показателем относительной формы имен [16—18]. Этим объясняется возможность присоединения к нему падежных аффиксов и аффикса мн. числа, например: тур. *бǰнімkiǰđ*, *бǰнімkiǰđın*, *бǰнімkiǰłrdǰın*; узб. *мǰніkiǰga*, *мǰніkiǰdan*, *мǰніkiǰlardan*. В качестве дополнительного аргумента здесь может фигурировать также то, что в тюркских языках лишь частицы обладают некоторой свободой перемещения в словоформе, не влияющей, кстати сказать, на смысл, ср.: узб. *кǰтїǰız-чı*, карач.-балк. *кǰтıǰıǰız* [19] «идите-ка»; узб. *эласан-мı*, хакас. *аларзїң-ма*, гаг. *алармїсан*, тур. *алǰрмısın* «берешь ли?»; хакас. *пıргǰǰǰкпїн* (*пıргǰǰ-ǰк-пїн*), *пıрǰрǰкпїн* (*пıрǰр-ǰк-пїн*) «дам ведь» [20].

Далее, знание кодифицированной последовательности аффиксальных морфем позволяет полнее учитывать то, в какой мере изменение ее связано с передачей иного содержания. Следует при этом еще раз подчеркнуть, что изменение установленного порядка происходит чрезвычайно редко, например, в именных словоформах — преимущественно в терминах родства: тур. *тǰǰǰłłǰрım* «мои тети» и *тǰǰǰłłǰр* «тетя» (с выражением почтительности); узб. *эпаларım* «мои старшие сестры» и *эпалар* — почтительное наименование старшей по возрасту женщины, *акаларım* «мои старшие братья», *акалар* — почтительное наименование старшего по возрасту мужчины. Итак, при обычном порядке аффиксы лица и числа передают свойственные им значения, при перестановке же они вместе выражают вежливость, почтительность. Ср. также: узб. *эǰımлар*, *дадамлар* (о матери и отце) [15, с. 75—76].

С изменением обычного порядка расположения аффиксальных морфем связано выражение и других значений, ср.: крым.-татар. *бабамлара*, тур. *бабамǰıłłǰрǰ* «к отцу, в семью отца, в дом отца» [21, 22].

В форме 2-го лица мн. числа повелительного наклонения в узбекском языке афф. *-лар*, как правило, занимает крайнюю позицию, что согласуется с общетюркскими нормами, однако допустимо присоединение афф. *-лар* непосредственно к глагольной основе: *бǰрїңлар* и *бǰрларıң* «идите».

Налицо частный случай распространенного в узбекском языке явления смещения аффиксов лица и числа в глагольных формах, ср.: *бэрдиңлар* и *бэрдилариң* «вы пошли», *бэрсанлар* и *бэрсалариң* «если пойдете». По мнению Я. Гулямова, инвертированный порядок аффиксов *-иң* и *-лар* в глагольных формах служит целям выражения пренебрежительного отношения к собеседнику. Так, *кэллериң* означает «ну идите сюда» (свысока) [23]. Аналогичные суждения высказаны авторами академической грамматики узбекского языка [24].

Наконец, знание общепринятой, исторически сложившейся в пределах тюркской языковой семьи последовательности аффиксальных морфем облегчает определение характера связей тюркских языков с нетюркскими. Как указывалось выше, аффиксы принадлежности в тюркских языках предшествуют падежным аффиксам, в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках они занимают место непременно после падежных аффиксов², ср.: тур. *эв-иниз-э* (-э — афф. дат. падежа), калм. *гер-түр-тани* (-түр — афф. дат.-местн. падежа), эвенк. *дү-лā-сун* (-лā — афф. дат. падежа) «в ваш дом».

Учитывая принципиальную значимость последовательности присоединения аффиксальных морфем в названных языках, можно с уверенностью сказать, что даже этого единственного случая структурно-морфологических расхождений достаточно, чтобы подвергнуть сомнению правомерность восстановления алтайских праформ. Дело в том, что взаиморасположение падежных аффиксов и аффиксов принадлежности в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках — важнейшая особенность их морфологической структуры, своего рода дифференциальный признак, возникновение которого никак нельзя отнести к недавнему прошлому.

Структурно-морфологические расхождения, учет которых способствует определению характера связей тюркских языков с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими, не ограничиваются именными словоформами. Они прослеживаются и в глаголе. Правда, в глаголе эти различия нередко выходят за пределы синтетических форм. Самое примечательное из них связано с выражением отрицания.

Основное средство передачи глагольного отрицания в тюркских языках — афф. *-ма ~ -ба ~ -па...*, употребляемый со всеми глагольными формами и присоединяемый непосредственно к основе, первичной или вторичной (залоговой), например: алт., кирг. *бар* «иди» — *барба* «не ходи»; кирг. *јазат* «пишет» — *јазбајт* «не пишет», *јаздї* «писал» — *јазбадї* «не писал», *јаздїр* «заставь писать» — *јаздїрба* «не заставляй писать», *јазїл-ван* «написано» — *јазїлбазан* «не написано». Этот способ в равной мере типичен для всех древних и современных тюркских языков. Общетюркским является и место расположения аффикса отрицания в словоформе.

В монгольских языках отрицание выражают частицы, различающиеся по составу глагольных форм и находящиеся в препозиции [25—27], ср.: монг.-письм. *иде* «ешь» — *bidegei ide* «не ешь», *bü idegdün* «не ешьте», *čidabai* «он смог» — *ese čidabai* «он не смог», *čidasu* «если сможет» — *ese čidasu* «если не сможет», *oluqu či* «найдешь» — *ülü oluqu či* «не найдешь».

В тунгусо-маньчжурских языках отрицательные глагольные формы представляют собой сочетания морфологически изменяемого вспомогательного глагола (*э-*) с неизменяемым причастием, передающим лексическое значение [28]. Примеры из эвенкийского языка: *бакаран* «он нашел» — *эчэн бакара* «он не нашел», *баканярэ* «наверно, они нашли» — *энэрэ бакара* «наверно, они не нашли», *бакадям* «найду» — *этэм бакара* «не найду», *бакадяз* «найдем» — *этэрэв бакара* «не найдем», *бакадязн* «найдет» — *эдеңн бакара* «не найдет» [29]. Принципиальным в плане расхождения с тюркскими языками, помимо самого способа выражения, является порядок компонентов аналитической формы: на первом месте оказывается вспомогательный компонент, тогда как в тюркских языках это место занимает компонент, несущий основную смысловую нагрузку и выступающий в форме «слитного» или «соединительного» деепричастия.

² В отдельных монгольских и тунгусо-маньчжурских языках значение принадлежности выражается аналитически.

Вывод, вытекающий из сказанного выше относительно важности учета структурно-морфологических расхождений в целях определения характера межъязыковых связей, таков, что поиски алтайского пласта в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, если не отрицать вообще их целесообразности, логично вести лишь на уровне, предшествующем возникновению морфологии, так как материалы указанных языков свидетельствуют о различии некоторых основополагающих тенденций их морфологического развития.

Последовательность аффиксальных морфем может быть предметом специального лингвистического исследования и в других целях. Мы сознательно ограничиваем свою задачу лишь обоснованием правомерности такого подхода к изучению последовательности аффиксальных морфем в агглютинативных языках, который расширяет возможности понимания их структуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Резвин И. И., Юлдашева Г. Д.* Грамматика порядков и ее использования. — ВЯ, 1969, № 1.
2. *Пинес В. Я.* Моделирование структуры азербайджанских глагольных форм в связи с проблемой автоматического словаря: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1970, с. 4 и сл.
3. *Велиева К.* Формальное описание синтеза азербайджанского слова: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1971, с. 3 и сл.
4. *Якубова Н. К.* Расстановка аффиксов в узбекских словоформах. Ташкент, 1979, с. 3 и сл.
5. *Галсон Г.* Введение в дескриптивную лингвистику. М., 1959.
6. *Алпаров Г.* Об агглютинативной особенности татарского языка. — Вестник научного общества татароведения, 1927, № 7, с. 123.
7. *Яковлев Н. Ф., Ашхамаф Д.* Грамматика адыгейского литературного языка. М. — Л., 1941, с. 352 и сл.
8. *Цинциус В. И.* Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках (На материале языков тунгусо-маньчжурской группы). — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965.
9. *Володин А. П.* Ительменский язык (фонология, морфология, диалектология, проблема генетической принадлежности): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л., 1979, с. 4.
10. *Майтинская К. Е.* Образование и классификация суффиксов в агглютинативных языках. (На материале финно-угорских языков). — В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М. — Л., 1965, с. 162.
11. *Азымов П.* Түркмен дилинде аффикслериң өзара тиркешип гелиш дүзгүнлери. Ашгабат, 1944.
12. *Щербак А. М.* Грамматика староузбекского языка. М. — Л., 1962, с. 182.
13. *Хабичев М. А.* Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение (Опыт сравнительно-исторического изучения). Черкесск, 1977, с. 28.
14. *Фуломов А. Ф.* Узбек тилида сифатнинг чоғиштирма даражалари. Узбек тили ва адабиёти масалалари, 1959, № 2, с. 54.
15. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. (Имя). Л., 1977.
16. *Грунин Г. И.* Предложения с *ki* в турецком языке. — Учебно-методический бюллетень. М., 1951, № 2, с. 4, 10.
17. *Ergin M.* Türk dil bilgisi. Sofya, 1967, s. 153.
18. *Абдуллаев Э. З.* Азербайжан дилинде ишленән *ki* бағлајычысынын мәншәји хаггында. — Тр. Ин-та литературы и языка АН Азербайджанской ССР, 1963.
19. *Алиев У. Б.* Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка. — В кн.: Вопросы категорий времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968, с. 109.
20. *Катанов Н. Ф.* Хакасский фольклор. Абакан, 1963, с. 22, 24.
21. *Севертян Э. В.* Крымско-татарский язык. — В кн.: Языки народов СССР. II. М., 1966, с. 240.
22. *Севертян Э. В.* Морфологическое строение слова в связи с другими его характеристиками (по данным тюркских языков). — Тюркологический сборник. 1971. М., 1972, с. 137.
23. *Гулямов Я. Г.* Грамматика ташкентского говора. I. Ташкент, 1968, с. 113.
24. *Узбек тили грамматикаси.* I. Тошкент, 1975, с. 106.
25. *Владимирцов Б. Я.* О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке. — Изв. АН, 1916, с. 349—358.
26. *Ramstedt G. J.* Die Verneinung in den altaischen Sprachen. — MSFOu, 1924, LII, с. 198—199.
27. *Самжиев Г. Д.* К вопросу об отрицании в монгольских языках. — АОН, 1962, XV, № 1—3.
28. *Горцеская В. А.* Формы отрицания в эвенкийском языке. Л., 1941.
29. *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. М. — Л., 1964, с. 192—193.